

Анатолий Мерзлов

СОМАЛИЙСКИЙ ИНДИВИД

18+

Анатолий Мерзлов

Сомалийский индивид

<https://litres.ru/74669583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Грузовое судно, работая в южных антарктических широтах, получает пробоину несовместимую с длительным мореплаванием. Для ремонта судно бросает якорь в африканском порту Фош-ду-Кунене. Здесь и разворачиваются основные события. Один из моряков остается в племени, влюбившись в дочь вождя Унку. Дружба однокурсников с десятилетиями только усиливает ностальгический порыв. Невероятная случайность открывает детали приключения. Моряк, оставшийся в племени, по имени Леха Кузя, обретает, в конце концов, свою кровную значимость.

Анатолий Мерзлов

Сомалийский индивид

Сомалийский индивид

Академик МАНИ, профессор, писатель Анатолий Мерзлов, знакомый вам по остросюжетным романам, повестям и рассказам, представляет романтический триллер – Сомалийский индивид.

Аннотация.

Грузовое судно, работая в южных антарктических широтах, получает пробоину несовместимую с длительным мореплаванием. Для ремонта судно бросает якорь в африканском порту Фош-ду-Кунене. Здесь и разворачиваются основные события. Один из моряков остается в племени, влюбившись в дочь вождя Унку. Дружба однокурсников с десятилетиями только усиливает ностальгический порыв. Невероятная случайность открывает детали приключения. Моряк, оставшийся в племени, по имени Леха Кузя, обретает, в конце концов, свою кровную значимость.

Летом ищем тень.

Зимой ищем, где солнце.

Ищем то, чего нет.

Как бы кто-то из нас не изощрялся – каждое очередное зрелое утро дня твоего рождения все равно напомнит о наползающем холодке другой части жизни. А однажды, устав-

шее недоумением сознания, сердце не захочет встряхнуть блекнувшее тело в пируэтах бессмысленных физических нагрузок. Маскирующий, подобно осенней бессмыслице туман мышления, призван не скрывать утраченные возможности – он обязан завуалировать тот неизбежный переходный рубеж, тогда-то и рождаются новые горизонты былых событий. Не беда, если вы на какое-то время приуныли – за зимой придет все та же весна. И дай вам Бог найти в ее фазах свое обновленное начало.

Обращаюсь за советом к мудрым: «Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем». Совет Пифагора равноценен его же непреложной математической истине: «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Жить прошлым – самоубийство! У прошлого назначение морского якоря – остановить движение, наша действующая задача – оставаться на плаву. Кто бы знал о прегрешениях предшественников – горячих молодых умов, их сиюминутных услаждений и поспешных революций сознаний, если бы не навязчивый невроз достигших высот мироздания вчерашнего поколения. Для них прошлое – кливер, треугольник, сохраняющий энергию движения.

Собираются распыленные частицы далекой дружбы. Останавливаются увлеченные нескончаемой гонкой жизни, стекаются в русло общения все те же, но поседевшие пацаны. Много желанных встреч – некоторые озадачивают. И все-таки нет в целом цельного: затерялся не по воле или захотел

затеряться осознанно мой кумир Леха – никто этого не знает. Леха – мот и разгильдяй, единственный из всех, умеющий сказать в трудное для тебя время одну единственную, но спасительную фразу. Все чаще наше заблудившееся время подминает под свой каток прошлое. Леха растворился в небытии. Попал он под его каток невзначай, как попали все самые безобидные и неустроенные, или умышленно бросился под него в массе других, попранных и оболганных безвременьем – осталась память, лишь она одна в состоянии сохранить равновесие двух великих стихий.

Тропический зной, присоленный океанской составляющей, повис непроглядной взвесью мощных испарений, скрывая до последнего детали извивающегося в воздухе пейзажа. Завалившийся вперед форштевень «железяки» неуклюже кромсал зеркало океанской глади, с каждым футом приближая к новой истине. Африканская экзотика предместья поселения Фош-ду-Кунене замаячила в размытом мощными испарениями изображении. С приближением открылась четкой картинкой. Так, на холодной Родине в критическую пору межсезонья, внезапно открывается затуманенный пейзаж. Враждующие воздушные потоки создают иллюзию волшебства. Здесь, при полном безветрии, не иначе как возможностями волшебства, кто-то неосязаемый сорвал с огромного пространства обзора непроглядную защитную пленку. На пологом обрамлении голубой лагуны устремились ввысь роскошные метелки пальмовой рощи. В прогалинах между

пальмами, в строгом порядке – лицом к океану, распластались по песку эстетически плетеные бунгало. На плане поселения смотрелся инородцем, под ярко-красной черепичной крышей, европейский домик с пристежками симметричных пристроек. Домик прилепился к игрушечному причалу, своей непомерной миниатюрой напоминающему долговязого кузнечика, готового к сиюминутному прыжку. В затянувшемся ожидании, с ним слились в одно целое одномачтовое остроносое плавсредство, в стиле пироги Робинзона Крузо, и беленький (надо заметить, до эталона белизны), современный быстроходный катер.

Вдоль стремительного зигзага береговой кромки, прилегающего к поселению, суетились черные торсы встречающих. Светлые набедренные повязки в плывущем мареве испарений искажались на линии фигур, и, казалось, на берегу движутся не люди, а устрашающего вида муравьи. Наша неприглядная посуда еще дрейфовала, не успев зацепиться якорем за расщелину рифа, а катерок у причала поспешил спрятаться за черной шапкой выхлопа, сделал стремительный вираж и, оторвавшись носовой частью от воды, на бешеной скорости полетел к нашему борту. Пока двое матросов волокли тяжелый штормтрап к борту, катерок уже застыл в обзоре носовой, развороченной столкновением с айсбергом части. Так бесхитростно заканчивался наш героический антарктический вояж.

Мы с усмешкой смотрели на двух смуглее смуглого экс-

пертов, внимательно изучающих рваное увечье корпуса. В голову закрадывалось сомнение, в ней даже не зарождалось мысли о возможности выхода из патовой ситуации здесь, на экзотическом берегу африканской лагуны, хотя приход сюда был кем-то рассчитан, как благоприятный исход. Судно в дрейфе прочно зацепилось якорем за грунт, принимая направление прилива. Матросы сбросили за борт штормтрап, старпом заспешил из рубки для встречи вниз. Со стремительностью обезьянки первый темнокожий взлетел по балясинам трапа на грузовую палубу, второму это удалось не столь удачно: он чертыхнулся в мусингах поручня, но быстро сориентировался в оплошности. Поступью иноходца чернокожие представители проследовали по грузовой палубе. Тяжеловатый, нерасторопный старпом не рассчитал такой прыти и встретил их на трапе к твиндеку. Свободные от вахты, с высоты шлюпочной палубы, мы, с бывшим однокурсником, а теперь, коллегой в машинной иерархии, Лехой, любовались африканским пейзажем. От бесконечного конвейера однообразных дней Леха позевывал. Утренний шадящий зной уверенно переходил в свирепую дневную фазу: высунутые на солнце руки неимоверно припекало.

– При таком раскладе события развернутся не скоро, – предположил Леха.

Не надеясь поучаствовать в форсированных событиях, мы нырнули в столовую, где в холодильнике потел дежурный алюминиевый безмерный чайник с «чифирем». Леха чифир-

нул, крикнув от сковавшей зубы крепости, а я завис в иллюминаторе. Из-за мыска лагуны выплыла стрела плавкрана. Леха отмахнулся, как от нечистой силы:

– Ну, оперативщики, отдохнуть культурно не дадут.

До полной сцепки якоря с грунтом судно на пару кабельтовых приблизились к берегу.

– Смотри, смотри, сколько женского населения на берегу. Смотри, сисястые и без ничего... Голимая чернь – ни единого тебе белого пятнышка.

– Леха, у тебя есть шанс.

– Не-е, я по другой части, – вальяжно парировал Леха. – Эх, мне бы под «кваском», в тени разлапистой пальмы ощутить прохладный бочок аборигенши... А лучше щекой на ее очаровательной выразительной попочке увидеть эротический сон. Вот тогда, может быть, меня можно склонить к ассимиляции. Это Толик «Белиберда» (один персонаж из младшего командного состава и наш другой сокурсник, умеющий в короткое время сказать много и ни о чем), – прошептал он, убедившись по сторонам в отсутствии «ушей», – от француженки приполз чуть тепленький, от итальянки – ни живой, ни мертвый, представь: от вьетнамки – свеженький, как молоденький огурчик. Все мечтал о темненькой. Помому, в нашем бедственном положении, лучшая – это восточная женщина? Эта покорней – поймет и мягко исправит мое хроническое недоразумение.

Плавкран тем временем грубо кромсал идиллию зеркаль-

ной лагуны. От движения неуклюжей махины в берег ударил накат. Пока мы отдавались опостылевшему, но все же так необходимому отдыху, наши сомнения еще сильнее развеялись. Через каких-нибудь два часа, на плашкоуте, пришвартованном к левому борту, всюду кипела производственная возня темнокожих рабочих.

Солнце стояло в зените. Его безжалостный окуляр охотился за твоим темечком: изжарить, расплавить, испепелить, перевести во взвесь и никакой тебе иной участи. В движении ощущение духоты смазывалось, сейчас же и тень спасала мало – за спиной дышало жаром от раскаленного металла переборок. Главные составляющие жизни: воздух, небо, земля, кроме ласково влекущей голубой глади, ополчились против твоей белой сути.

Очередная вахта через два часа, но кто не догадывается, если не знает, как скоротечно бездействие в тропической неге. Леха – мот и балагур, лучший друг и душа любых начинаний, случалось, по пьяни допускал опоздания на святое святых – вахту. Леха в том состоянии становился жалким безобидным ребенком – его не получалось корить – ему прощали. Прощали не за жалкий вид – он обладал божьим даром, находясь в изрядном подпитии, выдать из своих недр возбужденному сменщику нечто избитое, но в точку, и поэтому всегда особенное. Звучало не прощение и не оправдание, а мастерски им подмеченная твоя смешная особенность. Сбои на стоянках происходили всегда – в рейсе Леха

был паинькой, не беря в расчет редкие случаи юбилеев – он надирался, но на вахту приползал. Что могло быть потом, знаю только я. За острый ум его любили – за все наносное снисходили. Работа искусственно отнимала большую часть времени, самообразование и сон к концу длинного рейса становились малопривлекательными. Часто интервал заполняли экспромт-концерты. Леха – их самый органичный организатор и конференсье.

Мы сидели на кнехте, спрятавшись в тени, поджаривая лопатки о горячую переборку. Леха как-то особенно пристально всматривался в искрящуюся на солнце песчаную отмель. Леха мог загоревшимся взглядом увлечь кого угодно – я тоже посмотрел туда: темнокожая женщина стояла в воде «по самые не могу», вращая в воде чем-то похожим на лоток, в такт вращению, выписывая круги отвесами открытых грудей. Детвора черными кузнечиками скакала от бунгало к ней и назад. Маслиновые торсы любопытствующих к тому времени пропали под сенью пальм. В поселении происходило их постоянное перемещение, скорее всего, так протекали их хозяйственные будни. Люди, похожие на огромных черных термитов, занимались нехитрой работой. После восьми месяцев заплыва тянуло на любую твердь. Неведомая для нас земля, знакомая по юношескому Майн Риду, влекла убедительней моря.

– Вот не хочу, поверишь, в тот рай! Окунуться в их первобытнообщинный строй, деградировать мышлением? Другое

дело, если бы они одарили меня напитком, который смог бы и жажду утолить, и снять напряжение, тогда, может быть, я смог бы высадиться в их красивую преисподнюю, – произнес Леха банальное с видом мудреца, изрекшего нечто важное, при этом подразумевая что-то другое, более существенное, недоступное для понимания окружающих. Мне показалось, насколько я знал его, он перешел в философию высокого порядка – на этот раз я ошибся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.